

Дмитрий Рублев

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 Г. И РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ: АНАЛОГИИ В РАБОТАХ АНАРХИСТОВ РОССИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Рублев Дмитрий Иванович, Кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; office@spa.msu.ru

Аннотация: Парижская коммуна 18 марта — 28 мая 1871 г. — одно из важнейших и наиболее трагических событий Французской революции 1870–1871 гг. Коммуна стала значимым историческим символом для социалистов и анархистов, явила собой пример возможности социалистических преобразований, превратилась в предмет анализа и критики, восхищения героизмом и жертвенностью коммунаров. Она же стала свидетельством массовых репрессий против участников революции. На нее ссылались как на факт, доказывающий жестокость правящих классов в отношении рабочего класса. Российскими анархистами первой половины XX в. коммуна воспринималась как модель революции, на основании которой можно было выстраивать анализ происшедших в России начала XX в. революционных событий, прогнозировать их дальнейшее развитие (такими же моделями явились и французские революции 1789–1793 и 1848–1849 гг.). В статье анализируются события революций 1905–1907 и 1917–1922 гг. и рассматриваются практики использования российскими анархистами первой половины XX в. исторических аналогий, связанных с Парижской коммуной. Исторические аналогии привлекались в прогностических и пропагандистских целях, которые нередко пересекались. Авторитет Парижской коммуны был необходим для того, чтобы легитимизировать исторические события и проекты, дискредитировать те или иные политические силы, осветить определенные явления

Rublev Dmitrii Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University; office@spa.msu.ru

Abstract: The Paris Commune of March 18 — May 28, 1871 became one of the most important and most tragic events of the French Revolution of 1870–1871. The commune became an important historical symbol for socialists and anarchists, was an example of the possibility of socialist transformation, the subject of analysis and criticism, admiration for the heroism and sacrifice of communards. It also became evidence of mass repressions against the participants of the revolution. It was cited as a fact proving the cruelty of the ruling classes towards the working class. Russian anarchists of the first half of the XX century. The commune was perceived as a model of revolution, on the basis of which it was possible to build an analysis of the revolutionary events taking place in Russia at the beginning of the XX century, to predict their further development. The same model as the French revolutions of 1789–1793 and 1848–1849. The article examines the practice of using historical analogies associated with the Paris Commune by Russian anarchists in the first half of the 20th century when analyzing the events of the revolutions of 1905–1907 and 1917–1922. Historical analogies performed prognostic and propaganda functions, which often intersected. The authority of the Paris Commune was necessary in order to legitimize certain historical events and projects, discredit certain political forces, highlight certain phenomena from an anarchist point of view, emphasize the importance or danger of certain phenomena and people in the process of revolution. This kind

с анархистской точки зрения, подчеркнуть важность либо опасность конкретных явлений и людей в процессе революции. Такого рода избирательность неизбежно вытекала из политических целей, которые ставили перед собой анархисты.

Ключевые слова: анархизм, анархисты, исторические аналогии, Кропоткин Петр Алексеевич, Парижская коммуна 18 марта — 18 мая 1871 г.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.67.21.004

of selectivity inevitably resulted from the political goals that the anarchists set for themselves.

Keywords: anarchism, anarchists, historical analogies, Peter A. Kropotkin, Paris Commune March 18 — May 18, 1871.

Dmitrii Rublev

The Commune of Paris of 1871 and Russian revolutions: analogies in the anarchists' works in Russia and the Russian Diaspora (The first half of the 20th century)

Тексты, созданные участниками и очевидцами российских революций начала XX в. и посвященные непосредственному осмыслению происходящего, зачастую полны аналогиями с событиями французских революций конца XVIII–XIX вв. Сама политическая терминология того времени оказалась в значительной мере связана с ними. Вспомним хотя бы столь популярные слова, как бланкизм, бонапартизм, декрет, комиссар, коммуна, термидор, террор, якобинцы. Как справедливо отметил Т. Шанин, революционные события во Франции 1789–1793, 1848–1849 и 1870–1871 гг. сыграли весьма существенную роль в формировании концептуальных «моделей революции» настоящего и будущего для российских революционеров¹. Использование метода исторических аналогий, означавшее проецирование событий прошлого на образ настоящего и будущего, имело множество функций. Аналогии служили средством интерпретации происходящих событий, прогнозирования их развития, возвеличивания или развенчания политических деятелей, обоснования методов и целей политической борьбы.

Проведение исторических параллелей между событиями российских революций начала XX в. и Парижской коммуной 1871 г. было вполне естественным для российских анархистов. «Коммунальная революция» во Франции, как назвал это событие историк В. В. Дамье², была на тот момент единственной относительно успешной революцией, в которой значительную роль сыграли их идейные предшественники (бакунисты и прудонисты),

---

1 Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М., 1997. С. 27–30.

2 Дамье В. В. Коммунальная революция во Франции в 1871 году // Либертарная библиотека. URL: <https://knowledge1871.narod.ru/History/Damie/1871.htm> (дата обращения: 21.11.2024).

в том числе широко известные участники международного анархистского движения — Луиза Мишель, Элизе Реклю и др.

В левой политической публицистике существует традиция, распространенная среди как критиков, так и адептов анархизма, трактовать Парижскую коммуну — в целом или преимущественно — как анархистское движение. Современный марксистский публицист А. Н. Тарасов дает следующую оценку: «Только Парижская Коммуна, не отмеченная печатью принуждения, эксплуатации и ограбления трудящихся во имя анархии, была чистым случаем воплощения анархистских теорий в жизнь»³. Сам основоположник анархизма М. А. Бакунин внес свою лепту в трактовку Коммуны как анархистского движения. «Я — сторонник Парижской Коммуны, в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием Государства»⁴, — писал он. Но Бакунин подчеркивал, что Коммуна из-за условий войны оказалась не в состоянии не только «применить, но хотя бы выработать теоретически свою социалистическую программу». Социалисты «составляли в Коммуне очень незначительное меньшинство», преобладающую же роль в ней играли якобинцы⁵.

Последователи Бакунина подвергли Коммуну куда более жесткой критике, указывая на оппортунистический и авторитарный характер ее политического курса. Так, Ж. Герциг подчеркивал, что вера во всемогущество революционного правительства пронизывала действия коммунаров: «От этой буржуазной тенденции — предоставлять новой политической власти, якобы воодушевленной лучшими намерениями, права и средства разрешать все задачи момента — не избавилась и Парижская Коммуна; и в этом заключалось ее несчастье»⁶. Как и всякое правительство, революционная власть сдерживала инициативу

3 Тарасов А. Н. Мать беспорядка // Неприкосновенный запас. № 5 (67). 2009. С. 63. А. Тарасов выражает точку зрения оппонентов анархистов из марксистского лагеря. В то же время со взглядами анархистских публицистов на Парижскую коммуну читатель может ознакомиться в работе Ж. Деломы: *Delhom J. Des anarchistes et de la Commune de Paris. Communication présentée au Colloque national du 125e anniversaire de la Commune de Paris // Université de Perpignan, 28–30 mars 1996. Les Actes paraîtront prochainement.* URL: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/pariscommune/anarsetcommune.html (дата обращения: 21.11.2024).

4 Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. IV. СПб.; М., 1920. С. 252.

5 Там же. С. 254.

6 Герциг Ж. Парижская коммуна. Женева: Издание группы «Хлеб и воля», 1905. С. 3–4.

трудящихся, сделав невозможной экспроприацию средств производства и продуктов потребления и отказавшись взять в свои руки Французский банк⁷. Это бездействие было оценено Герцигом как «напрасная жертва, принесенная банальной буржуазной честности»⁸. Парижская коммуна, по Герцигу, была движением, в котором «буржуа и пролетарии были вместе», что ослабляло социалистическую направленность политики коммунаров, а «ярко выраженный республиканский дух парижского народа клонил его больше в сторону якобинства, чем социализма»⁹. Герциг описывает и расправы правительственных войск над коммунарами, говоря о 35 000 казненных, 7500 сосланных в колонии, о 200 000 доносов, поступивших в полицию на коммунаров и сочувствующих им¹⁰.

Герои нашего исследования, в том числе выдающийся теоретик анархизма П. А. Кропоткин и его последователи, хотя и восхищались героизмом и жертвенностью коммунаров, но не рассматривали Парижскую коммуны как эталон анархистской социальной революции и подвергали ее политический курс жесткой критике. Так, Кропоткин критиковал коммунаров за непоследовательность в проведении социальных изменений и сохранение государства, при этом выражая уверенность, что в случае победы они все-таки начали бы проводить в жизнь программу преобразований, близкую идеям анархического коммунизма. Таким образом, коммунарам авансом выдавалось доверие анархистов-коммунистов: «Родившись после войны, окруженная двумя армиями, — немецкой и французской буржуазии, готовыми в каждую минуту подать друг другу руки, чтобы подавить народное движение, — Коммуна не решилась смело вступить на путь экономической революции. Она не объявила себя вполне социалистической, не произвела экспроприации капиталов, не занялась организацией потребления и производства. Она даже не сделала подсчета всех имевшихся в городе запасов. Точно так же она не порвала и с государственным преданием, т. е. с пред-

---

7 Там же. С. 24–25.

8 Там же. С. 25.

9 Там же. С. 24.

10 Там же. С. 29.

ставительным правлением, и не постаралась осуществить той организации от простого к сложному, начало которой она сама положила, провозглашая независимость и свободную федерацию общин. Нет, однако, сомнения, что, если бы Парижская Коммуна просуществовала еще несколько месяцев, она, в силу самого хода вещей, должна была бы совершить эти две революции»¹¹. Более того, Кропоткин оценивал Коммуну как событие, поднявшее «знамя коммунального восстания», целью которого было поставить на место государства «союз, федерацию Коммун»¹². «Под именем *Парижской Коммуны*¹³ рождалась новая идея, которой суждено было сделаться — мы глубоко в этом убеждены — исходною точкою будущих революций»¹⁴, — писал он.

Но, несмотря на анархистский кредит доверия, Коммуна выглядела совсем не по-анархистски. Кропоткин видел одну из причин ее поражения в отказе коммунаров от экспроприации средств производства, организованной трудящимися. Ее откладывали до победы вместо того, чтобы «упрочить Коммуну посредством социальной революции»¹⁵. Поддавшись же «правительственному предрассудку», вожди коммунаров «очутились в такой же обстановке канцелярской рутины и бесконечных споров партий»¹⁶. Значительное внимание Кропоткин уделял жестокости, с которой правительство Тьера подавило Коммуну¹⁷. По его словам, политическая элита Франции проявила себя, как «сытый туняец, с инстинктами дикого зверя, ненавидящий своего раба и готовый истреблять его, как истребляют вредных животных»¹⁸.

Во многом аргументы Герцига и Кропоткина повторяли и их российские последователи¹⁹. Так, Г. И. Гогелия писал, отмечая бюрократический и этатистский характер Коммуны: «Самое

11 *Кропоткин П. А. Речи бунтовщика.* СПб., М., 1921. С. 113–114, 125–126.

12 Там же. С. 110.

13 Здесь и далее в статье, если не указано иного, курсивом выделено в источнике.

14 Там же. С. 120.

15 Там же. С. 132.

16 Там же. С. 133.

17 Там же. С. 126–128, 131.

18 Там же. С. 126.

19 См., например: *Лосьев Вл. Парижская коммуна (1871 г.) // Голос труда.* № 19. 18 (1) декабря 1918. С. 2; *Волош П. [Карелин А. А.]. Чему учит Парижская коммуна? // Голос труда.* № 13. 1912. С. 13–14; *Карелин А. А. Уроки парижской коммуны.* М., 1919;

лучшее из революционных правительств — ибо менее жестоко и менее похожее на них — Коммуна, и та в смысле органа действия, оказалась ленивой, неуклюжей, нерешительной и безынициативной, и это естественно: как ни называй государство, оно клонит к консерватизму и враждебно смелому коренному разрушению, ибо оно само является принципом порядка в правительственном смысле слова. Как бы государство не называлось, оно не может жить без бюрократического аппарата и не может действовать иначе, как через бюрократию»²⁰. По его мнению, именно «бюрократия довершила свою разъедающую работу и довела Коммуну до неизбежной гибели»²¹, упустив благоприятный момент для разгрома версальцев, тормозя инициативу трудящихся в экспроприации собственности буржуазии и саботируя мероприятия по организации обороны.

Но в работах анархистов из других стран можно было найти еще более резкие отзывы о Парижской коммуне. Так, перуанский анархист М. Гонсалес Прада писал, что коммунары «испытывали по отношению к социальным институтам и собственности поистине буржуазное уважение». Известный анархистский публицист и историк М. Неттлау, полностью отрицавший влияние федералистских идей в Парижской коммуне, заявлял: «Сама по себе Коммуна, расстроенная и склонная к авторитаризму в своей отчаянной защите от жестоких врагов, которые душили ее в крови, была авторитарным микрокосмом, полным партийных страстей, бюрократизма и милитаризма»²².

Впрочем, несмотря на столь жесткую критику, Коммуна воспринималась как предвестие скорого воплощения в жизнь анархо-коммунистических идей. Так, в 1907 г. Кропоткин писал, что благодаря этому событию «будущая революция, несомненно, начнется именно с провозглашения вольных коммун»²³.

Оргезани К. [Гогелиа Г. И.]. 1) Парижская коммуна. Кронштадт, 1918. С. 12, 14–17, 23–24; 2) Революция и революционное правительство. М., 1917. С. 10.

20 Цит. по: Оргезани К. Парижская коммуна. С. 15.

21 Там же. С. 16.

22 Delhom J. Des anarchistes et de la Commune de Paris.

23 Кропоткин П. А. Парижская Коммуна // Листки «Хлеб и Воля». № 10. 15 мая 1907. С. 2.

**«Власть же, не только царская,
но и всякая другая исключает человечность»**

События Парижской коммуны, казалось, имели мало общего с Первой российской революцией (1905–1907 гг.). В этой ситуации логичнее было прибегнуть к историческим аналогиям с Великой французской революцией 1789–1793 гг. и европейскими революциями 1848–1849 гг. Тем не менее анархистские публицисты периодически обращались и к Парижской коммуне. Своеобразный пример им подали французские революционные синдикалисты, издавшие манифест, посвященный Кровавому воскресенью: они провели параллель между событиями 9 января 1905 г. и массовыми расстрелами коммунаров правительственными войсками после победы версальцев. «Глубоко взволнованные петербургской бойней, напоминающей своими ужасами кровавую неделю 1871 года, мы посылаем вам от имени рабочих Парижа самые горячие пожелания успеха в начатом вами деле, которого не остановят никакие пушки»²⁴, — провозглашал манифест.

В более поздних текстах, посвященных истории анархистского движения периода Первой российской революции, можно встретить аналогичные сравнения. Жестокости, имевшие место при подавлении императорскими войсками восстаний, забастовочного движения, демонстраций, отождествлялись с расправой версальцев над коммунарами. Так, автор очерка об анархистском движении в Москве 1905–1908 гг. сравнивает действия войск Николая II, подавивших Московское восстание, с действиями версальцев, а адмиралу Дубасову были найдены аналогии в лице Галифе и Тьера: «Адмирал Дубасов, это морское чудовище, продолжал насыщать землю кровью народа. Каждое утро новые и новые расстрелы на Ходынском поле. Сотни рабочих уже убиты, десятки повешены, тысячи бежали в провинцию, скрываясь от преследований палачей. Вся эта вакханалия слуг власть и капитал имущих оставила неизгладимый отпечаток на психологии рабочего населения. Народ переживал приблизительно

24 Манифест французских синдикалистов, выпущенный по поводу петербургских событий // Хлеб и Воля. № 15. Февраль 1905. С. 7.

то же, что выпало в 71 году на долю парижских пролетариев, когда республиканское правительство Тьера-Галифе расстреляло 35 000 рабочих, их жен и детей»²⁵.

Ассоциации между разгромом Московского восстания 1905 г. и подавлением Парижской коммуны прослеживаются и в более раннем тексте этого автора — корреспонденции об анархистском движении в Центральных регионах России, написанной осенью 1906 г. Здесь Коммуна служила метафорой, передающей впечатления автора от настроений рабочих после подавления этих движений: «Психология московского рабочего уже иная... Он вырос, переродился за те месяцы. Он видел пушки и пулеметы, расстреливание его братьев; он пережил опустошение рабочих кварталов Пресни, разгромы фабрики Шмидта, Прохоровской мануфактуры, всю эту страшную “Варфоломеевскую ночь”, организованную “морским волком” контр-адмиралом Дубасовым. У русского работника г. Москвы создалось настроение, родственное с тем, которое пережили парижане [18]72–[18]73 года. “Коммуна задушена. Да здравствует Коммуна!”»²⁶.

Подчеркивалось, что подобная жестокость — свойство любого правительства, сталкивающегося с революцией. Так, по мысли автора одной из передовиц анархистской газеты «Буревестник», российские либералы, придя к власти, неизбежно превратятся в подобие версальцев: «Власть же, не только царская, но и всякая другая, исключает человечность. Чтобы справиться со своими “внутренними врагами”, столь хваленая нашими политическими партиями демократия ничуть не брезгает крутыми мерами: расправе французской демократии с Коммуной в 1871 году мог бы позавидовать сам великий русский палач Николай-Калигула. Возмущение наших буржуазных либералов зверством самодержавия нас поэтому мало трогает; наученные горьким историческим опытом, мы прекрасно знаем, что когда власть перейдет в их руки, нам от этого легче не станет потому, что важно не то, кто стоит у кормила власти, а то, что сама власть существует»²⁷.

25 «Северянин». Очерк анархического движения в Москве (1905–1908 гг.) // Альманах. Сборник по истории анархического движения в России. Т. 1. Париж, 1909. С. 53.

26 «Северянин». С Северной России // Буревестник. № 3. 30 сентября 1906. С. 13.

27 К моменту // Буревестник. № 4. 30 октября 1906. С. 2.

Параллели с Парижской коммуной можно обнаружить и в анализе деятельности Советов, который проводили анархисты. Так, Петербургский совет рабочих депутатов вызывал аналогии с Центральным комитетом Национальной гвардии в период становления Парижской коммуны. Подчеркивалось, что Совет «возник сам собою, вне партий, вне организационных планов, как возник когда-то Центральный Комитет Парижской Коммуны, и в этом был источник его громадного нравственного влияния»²⁸.

Впрочем, примеры из истории Парижской коммуны использовались и с целью критики политических оппонентов. Проводились параллели между ролью неоякобинцев и бланкистов в Коммуне и ролью политических партий в революционных событиях 1905–1907 гг. Приводился пример социал-демократов, которые, пытаясь руководить извне, сдерживали порыв восставшего народа к радикализации революции: «...если бланкизм сослужил службу, будивши революционный дух заговорами (анархические “распыленные” акты тогда не практиковались во Франции), то в революции, — например в Коммуне — он только мешал движению, парализовал его»²⁹. Г. И. Гогелия, критикуя эсеров и социал-демократов за стремление встать во главе будущей Российской республики, вспоминал Парижскую коммуну как пример воплощения в жизнь надежд на всеилие революционного правительства: «Игра в правительство привела к гибели славной памяти Парижскую Коммуну... Неужели для нас пройдут даром все эти уроки истории?»³⁰

Образ Парижской коммуны использовался и как пример революции, ограничившейся политическими преобразованиями при отказе от радикальных социально-экономических реформ. В данном случае очевидны аналогии с позицией социалистических партий в России, выдвигавших требования демократизации политической жизни, но отказавшихся от немедленного воплощения в жизнь социалистических идей. Так, один из авторов газеты «Хлеб и воля» использовал Парижскую коммуну как

28 Дело Совета рабочих депутатов // Листки «Хлеб и Воля». № 2. 14 ноября 1906. С. 5.
 29 Организация или вольное соглашение // Хлеб и Воля. № 18. Июнь 1905. С. 2; Несколько вопросов русской революции // Листки «Хлеб и Воля». № 5. 8 декабря 1906. С. 5.
 30 [Гогелия Г. И.]. К характеристике нашей тактики. VI. О революции и революционном правительстве // Хлеб и Воля. № 17. Май 1905. С. 7.

пример политической нерешительности вожаков революционных движений, их равнодушия к материальным потребностям трудящихся: «То же самое происходило и в 1848 году, и даже в 1871-м, когда у вожаков Парижской коммуны не хватило смелости сразу же выступить с коммунистическими мерами, сразу же подумать о том, чем народу кормиться, и тем сразу же обнаружить народный характер начавшегося движения. Везде тот же недостаток смелости, та же трусость мысли — вернее, трусость недомыслия. В этой трусости вожаков, а не в излишней широте их взглядов лежит причина того, что противники революции так легко одерживают верх над нею именно тогда, когда она достигла, по-видимому, своего торжества»³¹.

Парижская коммуна использовалась и как прогностическая фигура, служащая подтверждению правоты программных принципов анархистских организаций. Так, опыт коммунальных восстаний во Франции в 1870–1871 гг. воспринимался как пример, которому придется последовать в случае успешного развития революции: «Если революция достигнет ослабления центральной власти петергофцев, то, конечно, выдвинутся у нас, как было во Франции, вольные Коммуны, и в них можно будет пойти дальше по пути социальной революции»³². Кропоткин в октябре 1906 г. рассматривал Парижскую коммуны как одно из событий, предпосылки которого заложила Великая французская революция 1789–1793 гг. Ее итогом стал ряд социальных завоеваний, укрепивших в трудящихся веру в успешные перспективы будущей борьбы. Предполагалось, что в случае формирования аналогичных условий в России вспыхнет социальная революция, по радикализму превосходящая Парижскую коммуны³³. Кропоткин даже рассматривал использование лозунга коммуны (автономной самоуправляющейся общины) как один из критериев успеха революции. Впрочем, события 1905–1907 гг. никак не напоминали «коммунальную революцию» во Франции 1871 г. и в лучшем случае могли быть лишь ее далекой прелюдией:

31 Крестьянское восстание // Хлеб и Воля. № 17. Май 1905. С. 4.

32 Несколько вопросов русской революции // Листки «Хлеб и Воля». № 5. 8 декабря 1906. С. 6.

33 [Кропоткин П. А.]. Революция политическая и экономическая // Листки «Хлеб и Воля». № 1. 30 октября 1906. С. 4.

«Даже попытка восстания в Москве не встретила достаточной поддержки в массе народа и не сумела выставить лозунгом того, что делало все революции — независимую, самоуправляющуюся городскую общину»³⁴. Подчеркивая столь важную роль предпосылки грядущей революции, Кропоткин указывал, что события 18 марта 1871 г., положившие начало Парижской коммуне, были подготовлены народной самоорганизацией. Проводилась параллель между настроениями и опытом французских рабочих того времени и рабочего класса России 1906 г.³⁵

Исторические аналогии между Парижской коммуной и революционными событиями в России 1905–1907 гг., проводимые анархистами в то время, носили инструментальный характер. Их использовали в качестве аргументов, критикуя политических оппонентов, и как средство подчеркнуть жестокость, которую проявляли по отношению к рабочим и крестьянам действующие руководители Российского государства и претендующие на власть представители либерального политического лагеря. В то же время очевиден и прогностический характер использования этих исторических аналогий. Впрочем, авторы анархистских изданий того времени гораздо чаще обращались к событиям французских революций 1789–1793 и 1848–1849 гг.

«Пусть идет мимо нас злая судьбина Парижской Коммуны»

Пожалуй, наибольшее количество аналогий с событиями Парижской коммуны дал 1917 г. Бурные события февраля — марта и октября — попытка Корниловского переворота, противостояние между леворадикалами и сторонниками Временного правительства, Советами и правительством в сочетании с неудачными боевыми действиями против Германии и ее союзников — все это создавало предпосылки для все новых и новых аллюзий

34 *Кропоткин П. А.* Довольно иллюзий // Листки «Хлеб и Воля». № 18. 5 июля 1907. С. 2.

35 *[Кропоткин П. А.]*. Лондон, 28 ноября 1906 г. // Листки «Хлеб и Воля». № 3. 28 ноября 1906. С. 1.

к истории Парижской коммуны 1871 г. Вместе с тем следует отметить, что далеко не все периодические издания обращались к этим аналогиям. Вероятно, имела значение аудитория, к которой апеллировали авторы. Ведь далеко не для любого читателя образ Парижской коммуны мог иметь какое-то значение. Были и случаи отрицания правомерности такого рода аналогий с революционными событиями 1917 г.³⁶

Прежде всего эти аналогии выполняли прогностические функции с призывом «извлечь уроки», естественно, в духе анархистской концепции. Авторы давали своеобразный прогноз, сопоставляя события, и в то же время использовали его как доказательство правоты собственной точки зрения. Так, в октябре 1917 г. в связи с обсуждением планов по переезду Временного правительства в Москву и успешным наступлением германских войск и флота анархисты вновь вспоминают о Парижской коммуне и ее противниках. На страницах органа кронштадтских анархистов «Вольный Кронштадт» появилась статья, проводящая параллель между перемещением Временного правительства в Москву и переездом в Бордо из Парижа части правительства Франции в 1871 г.³⁷ Следом возникало сопоставление с последующим восстанием коммунаров. Немаловажную роль в убеждении читателя играло напоминание о массовых расправах над коммунарами. Страх перед повторением подобного должен был стать побуждающим мотивом к захвату трудящимися средств производства как к последнему и решительному удару по буржуазии — потенциальному инициатору массовых расправ над наследниками коммунаров: «В 1871 году проиграли коммунары, торжествовала буржуазия, празднуя свою победу, заливши улицы Парижа кровью 30 000 расстрелянных рабочих. Тогда коммунары поразили буржуазию лишь в грудь, но не в сердце, дав возможность скоро оправиться и мстить за стремление ее скинуть. Ну а теперь? ... И наш долг не повторять ошибок прежних революций, а именно: когда коммунары Парижа провозгласили на Марсовой площади — Коммуну, они сошли с истинного пути,

36 См., например: *Волин В. М. Сходство и различие // Голос труда. № 4. 1 (14) сентября 1917. С. 1–2.*

37 *Правительство бежит в Москву // Вольный Кронштадт. № 2. 12 октября 1917. С. 1.*

отдавшись целиком во власть глупого, но ужасного предрассудка — неприкосновенности частной собственности; они вместо углубления и расширения революции стали на охрану банков буржуазии, когда на деньги тех же банков могли приобрести для защиты Парижской Коммуны и революции достаточное количество ружьев и пушек; когда на те же деньги буржуазии они могли приобрести достаточное количество хлеба для голодавшего парижского пролетариата»³⁸.

Исторические аналогии, напоминающие о предстоящей расправе над рабочими в случае поражения, и в дальнейшем использовались как пропагандистский образ, призванный придать смелости действиям потенциальных сторонников анархистов. Так, накануне Октябрьского переворота на страницах анархистской печати снова появились тексты, в которых проводились параллели с поражением Парижской коммуны. Обращаясь к ее опыту, один из авторов прогнозировал, что в случае подавления восстания петроградских рабочих ждет страшная участь расстрелянных коммунаров. Тут же использовалось сопоставление недавнего мятежника Л. Г. Корнилова с версальскими генералами 1871 г.: «Корнилов споткнулся, — но корниловщина живет и готовит новый сюрприз революции. Она распускается ядовитыми лепестками везде и всюду, там, где находит себе сторонников. ... И горе побежденным — если зло восторжествует? Их ждет участь Парижских коммунаров. Пощады не будет»³⁹.

Обращение к истории кровавой расправы над участниками Парижской коммуны снова и снова встречалось на страницах анархистских изданий, предупреждая о катастрофических перспективах поражения революционных сил, совместно осуществивших Октябрьский переворот. Так, анархо-синдикалистский активист Н. И. Петров-Павлов писал: «Властные в политике и сильные материальным богатством общественные классы господ старательно готовят кровавый отпор всякой попытке рабочих уничтожить политический и экономический гнет. Их неумеренная дерзость и звериная ярость не знают в минуту опасности границ и пределов. Вспомним только побоище Кавеньяка,

---

38 Правительство бежит в Москву.

39 Будем готовы! // Вольный Кронштадт. № 3. 23 октября 1917. С. 1.

мечь коммунарам Парижа, кровавые оргии Николая и Столыпина, поддержанных г[оспо]дами Гучковым и К^о и в современной нашей революции, корниловщину, которая хотела затопить в крови рабочих русскую революцию»⁴⁰. Версальцы здесь упоминались наряду с известными массовому читателю образами корниловщины, а также Николая II и П. А. Столыпина, борющихся с революцией 1905–1906 гг.

Победа Октябрьского переворота в Петрограде вновь вызвала неизбежные ассоциации с Парижской коммуной. Вновь анархисты проводят аналогии между политическими институтами Коммуны и революционной России. Так, А. А. Карелин, старый революционер-народник, известный анархо-коммунистический публицист, один из лидеров Петроградской федерации анархических групп, выявил параллель между Национальной гвардией Парижской коммуны и Красной гвардией: «Когда в 1871-м году Париж начал неудавшуюся, подавленную Социальную Революцию, в нем находилась Национальная гвардия из рабочих и буржуа, и она достигала численности трехсот тысяч. Наша Красная Гвардия имеет те преимущества перед Национальной, что состоит из одних только рабочих, но по своей численности она страшно ничтожна»⁴¹.

Положение Петрограда как центра революции, постепенно охватывающей регионы, заставляло сразу же задуматься о параллелях с Парижской коммуной и перекликалось с ожиданиями анархистов-коммунистов, стремившихся к провозглашению на основе городов и сельских общин собственных, анархистских коммун. Некоторые из анархистских идеологов ожидали, что Петроград и будет провозглашен коммуной, наподобие Парижской коммуны 1871 г. Так, Карелин писал: «В сущности, новому правительству придется опираться на петроградский пролетариат, и для него тоже было бы полезным, если бы Петроград объявил себя, хотя бы и не анархической коммуной (для чего нет достаточных сил), а такой коммуной, которой являлся Париж во время первой революции и в 1871 году. Город Петроград, как и всякий город, может заведывать своими делами так, как он

40 Павлов Н. Накануне // Вольный Кронштадт. № 3. 23 октября 1917. С. 2.

41 Молотов [Карелин А. А.]. К моменту // Буревестник. № 27. 14 декабря 1917. С. 1.

хочет, может провозгласить себя социалистическим городом, пойдя в деле экономических преобразований и дальше всероссийского правительства большевиков»⁴².

Вновь опыт Парижской коммуны использовался как аргумент против руководящей роли политических партий в революции. Так, один из авторов «Вольного Кронштадта» искал параллель между негативной ролью политических организаций в судьбе Коммуны и ролью, которую партии играли в Советах. С точки зрения анархистов, политические партии подменяли собой инициативу рабочих, ведя борьбу за власть над ними. Эта задача для бланкистов и неоякобинцев в 1871 г. являлась первоочередной, а проведение в жизнь социалистических преобразований отходило на второй план. Как раз это и погубило Коммуну Парижа и, как считали анархисты, погубит Советы в России: «Именно здесь мы видим первую попытку Парижского пролетариата заговорить единым языком, и именно здесь и сказалось все пагубное влияние политических партий... Провозгласив Коммуну, парижский пролетариат призывался политическими партиями к уважению и охране частной собственности, к охране банков, в то время когда народ голодал и нуждался в хлебе. Одна перспектива ему осталась — умирать на баррикадах, и он ее предпочел. И нам он оставил это в наследие, как быть в такие минуты — хлеб, свободу, или смерть на баррикадах»⁴³.

И в этом отрывке, и в других подобных цитатах можно увидеть типичные для анархистов ссылки на неудачи Парижской коммуны — как аргумент в пользу немедленных социальных преобразований в духе анархического коммунизма⁴⁴. Такого рода суждения звучали и на официальных форумах, проводимых анархистскими организациями. Так, в январе 1918 г. на заседании совета Петроградской федерации анархических групп Е. Чернознаменский заявил: «Нам нужно создать Коммуну. И создать сейчас же. Все силы напрячь — все силы положить. Но пусть идет мимо нас злая судьбина Парижской Коммуны. Нужно и должно

42 *Молотов [Карелин А. А.]. Петроградская коммуна и Учредительное собрание // Буревестник. № 14. 29 ноября 1917. С. 2.*

43 *С. М. Политика и организация Советов // Вольный Кронштадт. № 7. 12 января 1918. С. 1.*

44 *См., например: Молотов А. [Карелин А. А.]. Возможна ли анархическая коммуна? // Буревестник. № 4. 15 ноября 1917. С. 1.*

принять все меры, всё зависящее от нас — всё, что к спасению Петроградской Коммуны. Необходимо помнить одно: мы не можем быть разбиты, не смеем быть разбиты. Наша Коммуна должна жить. В Париже она умерла, потому что была слабой, бессильной. Потому, что закованная, застыла в старых формах. Не уподобимся же парижанам»⁴⁵. Аналогичные параллели на том же собрании провел один из популярных анархистских ораторов Петрограда И. С. Блейхман, сравнивший ситуацию 1871 г. с наступлением германских войск зимой 1918 г.

Массовая забастовка чиновников и служащих против захвата большевиками власти, развернувшаяся в конце октября 1917 — начале января 1918 г., также получила соответствующие аналогии из истории Парижской коммуны. Карелин писал: «Чиновничество поголовно бежало из объявившего себя вольным городом Парижа; остались только мелкие служащие, скорее рабочие, чем чиновники. Рабочим пришлось занять места чиновников, и оказалось, что четвертая часть этих новых чиновников делали старое чиновничье дело и делали его не только не хуже старого чиновничества, но во многих случаях гораздо лучше»⁴⁶. Он приводил многочисленные примеры управленцев из числа рабочих-революционеров, занявших посты бежавших профессионалов-бюрократов⁴⁷, тем самым стремясь показать, что пример Коммуны доказал, что способность к управленческой деятельности у рабочих не хуже, чем у профессиональных чиновников. Отсюда вытекала мысль о том, что в анархистских коммунах профессиональных чиновников не потребуется.

Определенные параллели звучали в сравнении некоторых лидеров антисоветских сил с вождями версальцев во время Парижской коммуны. Например, Е. Чернознаменский сравнил лидера кадетов П. Н. Милюкова с Л. Гамбеттой⁴⁸. В то же время попытки Совета народных комиссаров вести переговоры о мире с Германией и ее союзниками побудили анархистов провести параллели с событиями 1871 г. Так, Блейхман приравнивал

45 Общее Собрание Федерации // Буревестник. № 33 (72). 27 (14) февраля 1918. С. 2.

46 Пронский [Карелин А. А.]. О забастовке чиновников // Буревестник. № 1 (40). 4 января 1917. С. 2.

47 Там же. С. 1-2.

48 Чернознаменский Евг. Обзор печати // Буревестник. № 48 (87). 27 (14) марта 1918. С. 2.

эти дипломатические меры СНК к переговорам, которые вело правительство Тьера. Тьерами же назвал он Ленина и Троцкого. Предполагалось, что следующим шагом будет свержение Тьеров и провозглашение Коммуны, а коммунарами будущего станут анархисты: «Переживаемые нами дни так напоминают памятные дни 71 года, дни славной Парижской Коммуны. Снова и снова измученный народ обращает свои отягченные взоры к своему спасению, единственному спасению — к коммуне. И снова предатели вершат свои дела. Предают Революцию, предают народ на позор, на гибель, на смерть. “Анархо”-большевики — Ленин и Троцкий (эти Тьеры современности) заключают мир, мир позорный, мир позорящий. Версальцы творят свое дело. Но массы не дадут свершиться позорному делу. Ликование капитала еще преждевременно. Среди сети предательства одни мы стоим на сторожевых постах Революции. ... И не Парижской Коммуны ищем мы, не городского самоуправления (а чем иным была коммуна, как не город[ским] самоупр[авлением]). — Нет. Коммуна, к которой обращаем наш взор, коммуна реальная, коммуна анархическая»⁴⁹.

Подобную же аналогию между судьбами Парижской коммуны и Советского государства первых месяцев его существования в марте 1918 г. проводил один из харьковских анархистов. И в том и в другом случае налицо было наличие германской армии, слабой государственности и контрреволюционных монархических сил. Автор видел аналог Парижской коммуны не в Советской власти, а в надвигающейся «третьей анархистской революции». СНК воспринимался как подобие Правительства национальной обороны генерала Трошю, не сумевшего остановить наступление германской армии на Париж: «Придет момент, и он уже близок, когда революционные массы, убедившись в слабой революционности Советов, последуют примеру революционных парижан, создавших в обстановке голода, войны с Германией и войны гражданской — коммуны. Те же самые немецкие юнкера, что идут сейчас по фронту в наступление против русских рабочих, так же самое шли и против революционных рабочих

---

49   Общее Собрание Федерации // Буревестник. № 36 (76). 2 (17) марта 1918. С. 1.

Франции. Сдача Парижа немцам и бегство Правительства в Версаль послужило к созданию коммуны»⁵⁰.

Модель Парижской коммуны воспринималась как вероятная альтернатива «государственному пути» и миру с Германией и ее союзниками: «Заявление Ленина о необходимости заключения мира говорит о явном повороте большевизма на строгий государственный путь, желая этим разрядить революционное движение, от чего революционные массы могут оградить себя только провозглашением безгосударственного коммунизма, объявлением Коммуны, которая немедленно примет меры к закреплению дальнейших шагов Социальной революции и удовлетворению народных масс»⁵¹.

Следует отметить, что радикальные противники любого политического режима могли обнаружить в нем черты, сходные с версальцами, а политические лидеры, которые еще вчера ассоциировались с коммунарами (пусть даже с их бланкистским крылом), могли вскоре удостоиться ярлыка «Тьер» и «Галифе». Таким образом, пропагандистские функции исторической аналогии вытесняли прогностические.

Наступление германской армии зимой — летом 1918 г. вызвало очередной виток сравнений: начали проводить параллели между версальцами, во время борьбы с Коммуной получившими фактическую поддержку Бисмарка, и российско-украинскими контрреволюционерами, поддерживаемыми Германией. Так, один из петроградских анархистов писал в марте 1918 г.: «В самом деле, возьмем даже самый “худой конец”: империалистические банды, предводительствуемые германскими генералами, заняли бы Петроград, Москву, большую часть российской территории, совершив кровавый пир разъяренных Галифэ, зулусов капитализма»⁵².

Новый повод обратиться к аналогии с Парижской коммуной появился в связи с приближавшимся созывом Всероссийского учредительного собрания. Коммуна использовалась как модель, призванная развенчать его авторитет. Вот что писал петроградский анархист Д. Зернов: «Изменившись во взглядах,

50 П. К. Трагедия государственности // Безвластие. № 1. Март 1918. С. 4.

51 Там же.

52 Сергей Простой. Письма анархиста // Буревестник. № 42 (81). 14 (1) марта 1918. С. 1.

ваш выборный может проводить законы совсем противоположные вашим требованиям. Это случалось не раз во Франции в 1848 и [18]71 г. ... То же самое хочет проделать русская буржуазия. Товарищи угнетенные — *не дать всю власть Учредительному Собранию, а разогнать нужно его*. Не власть, а штгык нужно дать избранникам народа и их поборникам и защитникам прав их, вроде Калединых и Милюковых, Авксентьевых и пр.»⁵³ Карелин тоже сравнивал «учредилку» с французским Национальным собранием, поддержавшим Тьера в борьбе против коммунаров. Он прогнозировал повторение аналогичной ситуации в случае конфликта между СНК и Учредительным собранием с последующим переездом российской конституанты в другой город. Это означало бы появление российского Версаля, врага Коммуны — Петрограда: «Но эти господа уже получили указания от своих вожakov. Они уже поговаривают, что Учредительное Собрание надо перевезти в другой город. Скатертью дорога. Но в своем поголовном невежестве они и не подозревают, что их хотят заставить сыграть ту низкую роль, которую сыграло не пожелавшее заседать в Париже и переехавшее в Версаль, “собрание” 1871 года. Для тех — Париж тоже был в руках “демагогов”, и господа депутаты не успокоились, пока не перебили руками своих несознательных войск 30 000 парижских рабочих — мужчин, женщин и детей»⁵⁴. В этой аналогии автоматически возникал мотив мести версальцев коммунарам, призванный стать аргументом в пользу бескомпромиссной борьбы.

Аналогии с террором версальцев в отношении коммунаров использовались и против сторонников уже разогнанного Учредительного собрания, правых социалистов и белогвардейцев. Так, в середине января 1918 г. автор одной из статей в «Буревестнике» обратился к брошюре А. Арну «Мертвецы Коммуны» для доказательства своих прогнозов. Комментируя этот труд, он указывал, что, как в случае подавления Парижской коммуны победители завалили Париж трупами коммунаров, их реальных и потенциальных сторонников, так и в случае поражения Советской власти

53   Зернов Д. Долой Учредительное Собрание! // Буревестник. № 34. 22 декабря 1917. С. 2.

54   Молотов [Карелин А. А.]. К моменту // Буревестник. № 27. 14 декабря 1917. С. 1.

подобная же участь ждет ее сторонников — анархистов, большевиков, да и просто рабочих и крестьян: «Ничего не пожалели для этой оргии капиталистов. Пир шел поистине горой. Расстреливали женщин, и молодых, и старых, матерей с детьми, детей без матерей, матерей без детей, и — что было еще приятнее, — расстреливали безоружных — стариков, больных умирающих. В госпиталях ампутированных подхватывали на штыки и выбрасывали из окна в кровавые лужи, как щенят. Так расправлялась французская буржуазия с парижскими рабочими, когда очутилась у власти. Так расправится и русская буржуазия с Петроградскими рабочими, солдатами, матросами и красногвардейцами, — если получит власть. Поэтому, петроградские рабочие, солдаты, матросы, — твердо стойте на страже революции; не давайте буржуазии обмануть себя подлыми, лживыми обещаниями; не верьте ей лживым союзникам, разным лжесоциалистам»⁵⁵.

Управленческие просчеты большевиков в условиях нарастающего экономического коллапса также были поводом к проведению параллелей с событиями 1870–1871 гг. во Франции. В частности, это проявлялось в реакциях на ситуацию надвигающегося голода, вызванную плохой организацией снабжения и спекуляцией. Так, один из петроградских анархистов выражал надежду, что, как и в Париже 1870 г., рабочие Петрограда под влиянием продовольственных проблем начнут радикализировать революцию, двигаясь влево: «Изголодавшиеся за время осады Парижа в прошлую франко-германскую войну рабочие пошли не вправо, а влево. Влево пойдет и изголодавшийся Петроград, за исключением той его части, которая всегда при всяких условиях обречена быть реакционной»⁵⁶. Аналогии при критике продовольственной политики большевиков проводились и позже: «В 1871 году Коммуна погибла более от отсутствия борцов за нее. Она не забыла провозгласить отделение церкви от государства, но слишком поздно позаботилась о том, чтобы обеспечить для всех хлеб. В самый разгар борьбы богатые господа в Париже потешались над коммунарами, говоря им: “что ж, идите, глупые вы люди, защищать стены и рисковать жизнью за тридцать су

55 Андрюнин М. А. Горе побежденным! // Буревестник. № 8 (47). 14 января 1918. С. 1.
56 Анархист. Хлеба! // Буревестник. № 10 (49). 17 января 1918. С. 2.

(полтиннику) в день, пока мы будем себе кутить по модным ресторанам”. ... Нельзя забывать, что вместе с голодом придет и та сила, которая уничтожит народ, сбросивший ее, как и все завоевания, добытые столь дорогой ценой»⁵⁷.

Провозглашение Петроградской коммуны в марте 1918 г. спровоцировало новые сравнения с французскими событиями 1871 г. Эти параллели должны были доказать, что Петроградская коммуна не является подлинной — как Парижская или как коммуна анархистов по П. А. Кропоткину. «Для того чтобы иметь право называться коммуной, наш город должен признать правом своей общественной жизни хоть те принципы, которые успели провести в жизнь или только провозгласить коммунары Парижа»⁵⁸. Автор перечислял достижения Парижской коммуны в пику «умеренности» большевиков. Коммунары Парижа не признавали власть «центрального правительства», не допускали на свою территорию его вооруженные силы и полицию, минимизировали количество смертных казней. Парижские рабочие заняли места, оставленные чиновниками, тогда как в Петрограде на своих должностях в государственных учреждениях остались старые «спецы»⁵⁹. И, наконец, автор противопоставлял «государственный капитализм» большевиков отказу от национализации парижских коммунаров: «Парижская Коммуна абсолютно не признавала и не терпела в своих границах промышленных предприятий, являющихся “собственностью” французской республики, ни одной минуты не думала о подмене социализма государственным капитализмом. У нас имеются промышленные заведения, перешедшие в собственность нашей республики, и, за исключением до смешного малочисленных артельных предприятий, по-прежнему процветает промышленность буржуазная. И в Париже громадное большинство промышленных предприятий оставалось в руках буржуазии, но это потому, что коммунары не успели взять, так как должны были с оружием в руках отстаивать коммуну от войск правительства. Но здесь важно то,

57 Яковлев И. П. К делу, товарищи, к делу! // Буревестник. № 57 (96). 7 (25) апреля 1918. С. 1-2.

58 Петров А. Петроград, 26 марта 1918 года // Буревестник. № 47 (86). 26 (13) марта 1918. С. 1.

59 Там же. С. 1-2.

что коммунары ни одной минуты не думали о замене частной собственности на средства производства собственностью государственной, находящейся в заведывании господ чиновников»⁶⁰. Самоуправлению и свободе инициативы для трудящегося населения, царившим в Парижской коммуне, противопоставлялись централизовано-бюрократические порядки Петрограда⁶¹.

По мере распространения гражданской войны параллели с Парижской коммуной по-прежнему были в ходу у анархистов, хотя и использовались значительно реже. Прежде всего к опыту Парижской коммуны они обращались как к наглядному примеру цены поражения революции. Так, активисты Лефортовской районной организации анархистов, критикуя Красный террор, объясняли действия большевиков примером Парижской коммуны, поражение которой обернулось жесточайшим террором, развернутым правительством Тьера как против коммунаров, так и против членов их семей. Проводились аналогии и между судьбами коммунаров и финских социал-демократов после разгрома революции в Финляндии в 1918 г.⁶²

Известны мнения, содержащие сопоставление разгрома версальцами Парижской коммуны с противостоянием Антанты и Советской России. Так, Е. З. Долинин, активист Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, писал в 1919 г.: «...англо-французские империалисты стремятся к тому же, к чему стремились и немецкие, — стремятся оставить от Республики одно лишь воспоминание. Они уверены в том, что участь, постигшая Парижскую Коммуну 1871-го года, постигнет и российскую революцию»⁶³.

Подобные ассоциации продолжали появляться в процессе прогнозирования дальнейшего развития революции. Так, в 1919 г. активист Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» И. Чарин показал связь между деятельностью якобинского режима 1793 г., правительства Второй республики в 1848 г. и Парижской коммуны 1871 г. Он отмечал, что все они ставили

60 Там же. С. 2.

61 Там же. С.1-2.

62 Москва, 20 сентября // Анархист. Орган Лефортовской районной организации анархистов. № 1. 20 сентября 1918. С. 2.

63 Д-ин Е. [Долинин Е. З.]. К обороне революции // Вольная жизнь. № 3. Декабрь 1919. С. 8-9.

во главу угла не удовлетворение материальных потребностей народа, а занимались «политическими делами, защитой и обеспечением власти, реорганизацией правительственного механизма, чиновничества, предоставлением народу ничего не стоящих политических прав», издавали декреты и разводили демагогию. Выводом из этих уроков, полагал Чарин, должна быть полная экспроприация трудящимися средств производства и товаров с целью преодоления социального неравенства⁶⁴.

В. М. Волин попытался проанализировать опыт Коммуны с точки зрения уроков для анархистов во время Российской революции. В отличие от своих идейных предшественников он рассматривал Парижскую коммуну как «первый в истории опыт коммунистического строительства»⁶⁵, что было далеко от истины. По мнению Волина, Коммуна показала большую роль «воодушевления, энтузиазма» в проведении социально-политических преобразований, о чем забыли большевистские вожди Советского государства⁶⁶. Волин также писал о том, что Коммуна продемонстрировала важность вовлечения в революцию «промежуточных» слоев населения — «мелкой буржуазии, интеллигенции, городского мещанства», — что большевики пытались вовлечь их силой, но сделать это можно было лишь путем налаживания хозяйственной жизни и свободы экономических объединений трудящихся⁶⁷.

В ходе революционных событий 1917 г., как и затем во время гражданской войны, анархисты уже довольно часто использовали аналогии, связанные с Парижской коммуной. Победа революции и вооруженная борьба победивших революционеров со своими противниками давали гораздо больше поводов для выявления этих параллелей. По-прежнему их использование было обусловлено прогностическими, социально-критическими и пропагандистскими целями. И именно пропагандистские задачи постепенно становились основными. Роль версальцев

---

64 Чарин И. Уроки прошлого // Елисаветградский набат. № 5. 30 марта 1919. С. 2.

65 В. Э. [Волин В. И.]. Тогда и теперь // Харьковский набат. № 9. 23 марта 1919. С. 2.

66 Там же.

67 Там же.

в исторических аналогиях анархистов последовательно занимало Временное правительство, корниловцы, белогвардейцы, большевики. Роль же коммунаров перешла от всех сторонников власти Советов к самим анархистам, которые, как планировалось, должны были выступить решающей силой в событиях будущей «третьей революции».

«Кронштадт был второй Парижской Коммуной»

Исторические аналогии, связывающие революционные события в России 1917–1922 гг. с Парижской коммуной, продолжали использовать анархистские авторы, оказавшиеся в эмиграции с начала 1920-х гг.

Наиболее масштабные и всесторонние исторические параллели провел известный анархо-синдикалистский публицист, редактор газеты «Рабочий путь» Г. П. Максимов в своей статье «Месяц великих бурь», посвященной очередным годовщинам Парижской коммуны начала Февральского восстания 1917 г. в Петрограде и Кронштадтского восстания 1921 г. Он провел параллели между этими событиями 1871, 1917 и 1921 гг., видя в Февральской революции и Кронштадтском мятеже своеобразное идейное воплощение, реинкарнацию наследия Парижской коммуны: «Париж воскрес 46 лет спустя... Воскрес там, где три тяжелых, мучительных столетия царил самый подлый, самый отвратительный произвол»⁶⁸.

Противостояние Парижской коммуны и Версаля объективизировалось в событиях Октябрьского переворота. Лидеров политических сил, выступивших против леворадикального движения за власть Советов, свергнувшего Временное правительство, Максимов отождествлял с версальцами. В версальском лагере оказываются белогвардейцы, монархисты, либералы и правые эсеры: «Октябрь воскресил Париж, а с ним и Версаль...

68 Максимов Г. Месяц великих революционных бурь // Голос труженика. № 17. Март 1926. С. 2.

Всероссийская коммуна вызвала в сто крат большую злобу и бешенство русских Тьера, Трошю и Жюлей Фавров, в сто крат больше перепугала международную буржуазию, чем Парижская Коммуна. Русский Версаль был многоликий и многоместный... Он был в Самаре, на Дону, в Архангельске, в Крыму, в Пскове, на Украине, в далекой Сибири и уральских степях... Но судьба не судила никому из них разыграть роли Тьера и стяжать лавры Галифэ, хотя они наделали мерзостей не меньше, чем эти два буржуазных изувера... Всероссийская Коммуна раздавила их и выбросила вон. И не нам жалеть об этом»⁶⁹. В лагере коммунар, таким образом, неизбежно оказывались все, кто боролся за власть Советов, стремился радикализировать революцию: большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты, анархисты, а также сражавшиеся против белогвардейцев красные, зеленые и анархистские партизаны. В победе большевиков Максимов также винил «русский Версаль», претендентов «на роль Тьера и Галифэ». «Не будь Версаля, большевики не смогли бы так безнаказанно распинать революцию для блага революции. Версаль помог им в издевке над народом, над революцией: “мы убиваем тебя для твоего же блага”»⁷⁰, — писал он.

Затем дух Парижской коммуны последовательно воплотился в Кронштадтском восстании 2–18 марта 1921 г. Максимов даже называет его «Кронштадтская коммуна»⁷¹. Снова в этой ситуации он применяет дихотомию «Париж — Версаль»: «Кронштадт разделил участь Парижа... Ленин разыграл на съезде роль Тьера, а Троцкий под стенами Кронштадта, — роль Галифэ...»⁷² Дата подавления Кронштадтского восстания, совпавшая с днем начала Парижской коммуны, как будто поддерживала эту параллель, актуализировала ее, как и репрессии, которые начали проводить победители — как в Париже, так и в Кронштадте: «В день рождения Парижской коммуны погибла коммуна Кронштадта. Расстреляны люди, идеи живут... Мертвецы Кронштадта, как и мертвецы Парижа, будут творить дело живых»⁷³.

---

69   *Максимов Г.* Месяц великих революционных бурь. С. 3.

70   Там же. С. 4.

71   Там же. С. 3.

72   Там же. С. 4.

73   Там же. С. 5.

Но проведение параллелей между Парижской коммуной и Великой российской революцией в целом было характерно лишь для Максимова. Куда чаще в трудах анархистов-эмигрантов возникало сравнение Коммуны с Кронштадтским восстанием. Аналогии с парижскими событиями 1871 г. легитимировали Кронштадтский мятеж 1921 г. в среде тех, кому были дороги ценности и символы Коммуны — социалистов, анархистов, активистов рабочего движения. Использование образа Коммуны давало возможность обращаться к этим политическим силам со своей версией истории Великой российской революции, говорить с ними на понятном им языке. «Кронштадт был второй Парижской Коммуной»⁷⁴, — писал А. Горелик. «Кронштадт — Парижская коммуна России»⁷⁵, — так звучал заголовок одной из статей А. Беркмана. Другая его статья была полностью посвящена сравнению Кронштадтского восстания и Парижской коммуны и содержала перечисление сближающих их характеристик⁷⁶. Автор описывал эти события как «воодушевляющие» и «судьбоносные» эпизоды, имеющие символическое значение, как примеры героизма и временных успехов революционеров в борьбе с государством и капитализмом⁷⁷. Прежде всего Беркман отмечал «стойкость», «храбрость», доблесть коммунаров и кронштадтцев. И те и другие оказались слишком доверчивы и благородны по отношению к врагам: «К сожалению, у коммунаров и кронштадтцев было больше храбрости и человечности, чем понимания подлости их врагов. Они всё еще слишком верили в человечность своих эксплуататоров и угнетателей и чрезмерно уважали буржуазную мораль и право»⁷⁸. Он проводил аналогии и между неудачными военными стратегиями коммунаров и повстанцев Кронштадта: игнорирование советов военных специалистов, отсутствие попыток перенести восстание на соседние города, «склонность к пассивной оборонительной тактике»⁷⁹.

74 Горелик А. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес, 1922. С. 51.

75 Беркман А. Кронштадт — Парижская Коммуна России // Волна. № 8. Апрель 1922. Ст. 17.

76 Беркман А., Метт И., Гольдман Э., Серж В. и др. «Молчать теперь невозможно...»: Борьба за правду о Кронштадтском восстании 1921 года. М.; СПб., 2021. С. 49–56.

77 Там же. С. 49.

78 Там же. С. 50.

79 Там же. С. 45–46, 55–56.

Это отождествление событий также имело важное концептуальное звучание — как в связи с оценкой перспектив развития революции в России, так и в плане анализа общей атмосферы падения революционной волны в Европе 1920-х гг. Разгром Парижской коммуны в 1871 г. традиционно рассматривался анархистами как начало эпохи реакции в странах Европы. Точно так же и Новая экономическая политика (НЭП), начало которой положила разгром Кронштадта, рассматривалась в контексте «реакции мировой буржуазии» начала 1920-х гг.⁸⁰

Анализируя действия советского правительства по подавлению восстания, авторы-анархисты использовали аналогии с Парижем 1871 г., чтобы подчеркнуть жестокость частей Красной армии по отношению к повстанцам и мирному населению города. В своих работах анархисты сравнивали массовые аресты и казни кронштадтцев, проводимые большевиками, с массовой расправой версальцев над коммунарами после разгрома Парижской коммуны. А Ленина, Троцкого, Зиновьева и Дыбенко часто сравнивали с Галифе и Тьером⁸¹.

Исторические аналогии с Парижской коммуной использовались в указанный период и для того, чтобы сделать акцент на терроре, который развернули победившие правительства против потерпевших поражение революционеров и поддержавшего их рабочего класса в странах Центральной и Восточной Европы. Правда, эта параллель появлялась гораздо реже. Так, Максимов проводил параллели между террором версальцев после поражения Парижской коммуны и жестоким «белым» террором в Финляндии, Венгрии и России. Ссылаясь на эти примеры, он утверждал, что угроза социальной революции всегда вызывает подобный ответ со стороны буржуазии и бюрократии⁸².

Исторические параллели, связанные с Парижской ком-

80 См., например: *Мрачный М. [Клеванский М. Я.]*. Первое мая // Рабочий путь. № 2-3. Апрель-май 1923. С. 1-2.

81 *Волин В. М.* Неизвестная революция. М., 2005. С. 380-381; *Максимов Г. П.* Месяц революционных бурь // Рабочий путь. № 1. Март 1923. С. 6; *Ярчук Е. З.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 61; *Berkman A.* Der Kronstadt Rebellion. Berlin, 1922, S. 29-30; *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. St. Petersburg; Florida, 2009. P. 197.

82 *Максимов Г.* Вопросы общественного строительства. Экономические проблемы // Голос труженика. № 16. Февраль 1926. С. 7.

муной, применялись анархистами при описании событий российских революций начала XX в. Прежде всего их использование носило прогностический характер. При этом очевидно, что объекты для сравнения выбирались с намерением осветить те или иные явления с выгодной для анархистов позиции. Авторитет Парижской коммуны привлекался для акцентирования общественного внимания на важности или опасности тех или иных явлений и личностей в революционном движении. Эта политическая тактика являлась следствием пропагандистских задач, стоящих перед анархистами. Аналогии начали применяться для описания событий 1905–1907 гг., но в то время еще использовались достаточно редко. Наибольшее же распространение они получили в 1917–1918 гг., чему способствовало кажущееся совпадение реалий: война, наступление германских войск, контрреволюционные мятежи, провозглашение Советами региональных коммун и, наконец, — ожидание «третьей анархистской революции». В условиях эмиграции 1920–1930-х гг. российские анархисты снова возвращаются к использованию исторических аналогий с Парижской коммуной при описании уже прошедших революционных событий. Проводили же они эти аналогии преимущественно с целью создания идеологически приемлемого для западноевропейской и американской левой среды образа Кронштадтского восстания 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

Дамье В. В. Коммунальная революция во Франции в 1871 году // Либертарная библиотека. URL: <https://knowledge1871.narod.ru/History/Damie/1871.htm> (дата обращения: 21.11.2024).

Тарасов А. Н. Мать беспорядка // Неприкосновенный запас. № 5 (67). 2009. С. 63–78.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. / пер. с англ. Е. М. Ковалев. М.: Весь Мир, 1997. 560 с.

Delhom J. Des anarchistes et de la Commune de Paris. Communication présentée au Colloque national du 125e anniversaire de la Commune de Paris // Université de Perpignan, 28–30 mars 1996. Les Actes paraîtront prochainement. URL: http://dward-mac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/pariscommune/anarsetcommune.html (дата обращения: 21.11.2024).

REFERENCES

Damier V. V. Kommunal'naya revolyuciya vo Francii v 1871 godu // Libertarnaya biblioteka. URL: <https://knowledge1871.narod.ru/History/Damie/1871.htm> (date of request: 21.11.2024). In Russian.

Tarasov A. N. Mat' besporjadka // Neprikosnovennyj zapas. № 5 (67). 2009. P. 63–78. In Russian.

Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg. — 1917–1922 gg. / per. s angl. Ye. M. Kovalev. Moscow: Ves' Mir Publ., 1997. 560 p. In Russian.

Delhom J. Des anarchistes et de la Commune de Paris. Communication présentée au Colloque national du 125e anniversaire de la Commune de Paris // Université de Perpignan, 28–30 mars 1996. Les Actes paraîtront prochainement. URL: http://dward-mac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/pariscommune/anarsetcommune.html (date of request: 21.11.2024).